

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

СОСТАВИЛ
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПРОФЕССОР
Г. П. МАКОГОНЕНКО

М. Д. ЧУЛКОВ

Михаил Дмитриевич Чулков (1743—1793) родился, по-видимому, в семье торговца. В 1755—1758 годах учился в гимназии для разночинцев при Московском университете, в 1761—1765 годах служил актером придворного театра, но без успеха и потому перешел на должность придворного лакея. Литературную деятельность начал с сочинения комедии «Как хочешь назови» (1765). С особым успехом работал в повествовательных жанрах. Подготовленный им сборник повестей бытового и приключенческого характера «Пересмешник, или Славенские сказки» (первые четыре части вышли в 1766—1768 годах, пятая — в 1789 году) пользовался большим успехом. В 1770 году вышла первая часть романа Чулкова «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины». Изображение современной жизни с ее бытовой стороны дается и в журналах Чулкова — еженедельном «И то и сё» (1769) и ежемесячном «Парнасский щепетильник» (1770).

В 1770—1774 годах вышло составленное Чулковым «Собрание разных песен» — исключительный по богатству сборник народных песен, где, в частности, впервые были опубликованы песни о Степане Разине. Еще в 1767 году Чулков составил «Краткий мифологический лексикон», в котором пытался систематизировать славянскую мифологию. Позднее он продолжил эту работу в «Словаре русских суеверий» (1782), переизданном в 1786 году под названием «Абвега русских суеверий». С конца 1770-х гг. Чулков отошел от литературы. Главным занятием стала служба — в 1772 году Чулков в чине коллежского регистратора служил в коммерц-коллегии. В 1774 году он получил чин коллежского советника,

в 1786 — надворного советника. Этот чин давал право на получение дворянства. Свою карьеру он завершил помещиком, став владельцем небольшого имения. В эту пору он занимался составлением изданий исторического и справочного характера. Самая значительная работа этого типа — «Историческое описание российской коммерции» (1781—1783).

Современное издание сочинений Чулкова см. в книге: Герои-комическая поэма. Вступительная статья В. А. Десницкого. Редакция и примечания Б. В. Томашевского. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта», Большая серия), 1933; Поэты XVIII века, т. I, изд. 3. Вступительная статья Г. П. Макогоненко. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта», Малая серия), 1958; Русская проза XVIII века, т. I. Вступительная статья Г. П. Макогоненко, подготовка текстов и примечания А. В. Западова. М. — Л., Госполитиздат, 1950.

СТИХИ НА КАЧЕЛИ

Скажи, о Муза, мне, как должно начинать,
Когда о чем-нибудь писатель хочет врать,
Чтоб выдати он мог за правду небылицу
И сделать невзначай из вдовушки девицу;
Мы любим золото получше как серебро,
А если злата нет, то нам и то добро;
Коль бритвы негде взять, тогда и шило бреет,
И нужда никогда законов не имеет.
Теперь намеренье идет мое к тому,
Чтоб знанием моим повеселить куму,
Которая стихов доброту точно знает,
Имеет нежный вкус и всякий день читает;

Не ставит высоко писца она того,
Который, поучась, не знает ничего;
Хороши выдумки и замыслы высоки,
В поэзии не мнит принять их за пороки,
Не только рифмою одной в конце стихов,
Но услаждается и важностию слов.
Я автор ныне сам, и знаю аз и буки;
В Египет незачем мне ездить для науки:
Я смышлю всё, всю прозу уморю
И храброго «Бову» в поэму претворю.
«Петра златых ключей» сказание нескладно,
Но с рифмами его в стихи поставлю ладно;
«Евдона Берфу» я в поэзию вмещу
И дактилем об них иль ямбом возвещу;

стоит у престола правосудия и просит праведного мне отмщения; итак, предупреждая гнев судьбины, наказал я сам себя за сделанное мною злодейство. Сядьте, сударыня, я расскажу вам мое несчастье.

Как приступил я к богопротивному делу и умертвил Свидаль, о том, я чаю, уведомлены вы от кого-нибудь; а я, будучи в заблуждении моего разума, рассказать вам не в силах. Простившись с вами, предпринял я бежать от моего беззакония и лишиться того места, которое представляло мне живо мое злодейство и грозило за то правильным и бесчестным наказанием. От места я удалился, но от терзания совести моей удалиться не мог: оно за мною всюду следовало, везде меня мучило и приводило в раскаяние. Наконец напал на меня ужасный страх, и когда я засыпал, то Свидаль, приходя, будил меня и, стоя передо мною, плакал весьма горько. Ужас меня обуял, и я ни днем, ни ночью не имел покоя. Где я ни ходил, страх за мною следовал, и, наконец, собственная моя тень приводила меня в ужас. Не видав никакого способа к моему избавлению, предпринял я окончать поносную жизнь и лишиться того света, которого я ненавидел, может быть, неосновательно, и который возненавидел меня справедливо. Возвратился я сюда и как скоро прибыл, то, учредив все к моей кончине, выпил яд и почитаю уже себя мертвым, а при кончине жизни моей вижу, что я еще счастлив и могу проститься с тою, для которой я жил и пострадал. Уверял я вас в моей жизни, что я вас люблю, и при кончине оной то же подтверждаю. Вот вам крепость на сей двор, который я купил на ваши деньги; и она писана на ваше имя, вот вам и моя духовная; я безроден и отказал все сие имяне вам. Сим свидетельствую, что вы мне были милы.

При сих словах не могла я удержаться от слез и была уже не в силах сокрывать ту тайну, о которой просил меня Свидаль, и как только вознамерилась было говорить ему об оной, то увидела, что лицо его переменилось, глаза остановились, ужасное потрясение вступило во все его члены. Он не говорил больше ни слова и жал весьма крепко мою руку. Я подумала, что уже, конечно, последний час его жизни наступает и выпитый им яд начинает свое действие. Чего ради закричала я, чтобы вошли к нам люди. От голосу моего пришел он несколько в себя и стал просить у меня извинения в том, что, может быть, в чем-нибудь он меня обеспокоил, и говорил уже весьма смутно, так, что ни начала, ни окончания его речи применить было невозможно, и казался он мне совсем отчаянным жизни. Я просила его слуг, чтобы постарались они сыскать Свидаль и уве-

домить его, что Ахаль уже отходит, и чтобы он спешил принести ему свое извинение. Услышав имя Свидаль, пришел он в пущий беспорядок; ужас его обнял и мало подкрепляющий его разум совсем уже оставил. В великом испуге говорил он так:

— Ужасная тень! хотя при последнем моем издыхании оставь меня в покое. Я знаю, что мщение твое справедливо, справедлив твой гнев и твой убийца достоин от тебя всякого наказания. Я трепещу и без великого ужаса взглянуть на тебя не смею. Ты представляешься мне в крови, без дыхания и без гласа. Все оно я у тебя отнял, всему причиною я и достоин всякого истязания во аде. Я готов на все муки, какие только тебе и огорченной мной судьбине угодны. Я мерзок сам себе и для того сам и прекратил ненавистные дни мои и сожалею, что лютая смерть еще медлит вырвать из меня с мучением мою душу. Я уже готов и все к тому учреждено.

Все, сколько нас тут ни было, старались подавать ему помощь. Я плакала неутешно, а слуги его ревели несказанно, ибо он был милостивый до них господин. Посылала я за лекарями, но мне сказано, что запрещено им под проклятием никакого не привозить к нему и что они дали в том ему присягу; следовательно, что мне взошло только на ум, тем я его и пользовала. Несколько он опаматовался и просил меня, чтобы я не трудилась в подавании ему помощи: «Ибо она уже для меня не удобна», — говорил он. В самое это время увидел весьма поспешно Свидаль. Как скоро увидел его почти бесчувственный Ахаль, рванулся из наших рук и пришел в ужасное испугание; бился он и рвался, кричал, сколько силы его дозволили, и походил совсем на сумасшедшего. Сколько сил наших было, мы его держали и прикрыли, наконец, одеялом, чтобы несколько собрал он расточенного своего разума и лишился бы того ужаса, который он почувствовал, увидевши убитого им Свидаль, как он об этом думал и представлял, что злодейство его выше всякого беззакония на свете.

{(1770)}

ГОРЬКАЯ УЧАСТЬ

«Крестьянин», «пахарь», «земледелец» — все три названия, по преданию древних писателей, в чем и новейшие согласны, означают главному отечеству питателя во время мирное, и в военное — крепкого защитника; и утверждают, что государство без земледельца обойтись так, как человек без головы жить, не может! Но ложь

ли, правда ли, рассуждать нам о том недосуг; да сверх того к сказкам такие глубокие задачи и не принадлежат. Мы скажем, что витязь повести сей, крестьянин Сысой Фофанов, сын Дурносопов, родился в деревне, отдаленной от города, воспитан хлебом и водою, бив повит прежде пеленами, которые тонкостью и мягкостью своею немного уступали цыновке, лежал на локте вместо колыбели в избе, летом жаркой, а зимой дымной, до десятилетнего возраста своего ходил босиком и без кафтана, претерпевал равномерно летом несносный жар, а зимою нестерпимую стужу; слепни, комары, пчелы и осы, вместо городского жиру, во времена жаркие наполняли тело его опухолью. До двадцати пяти лет, в лучшем уже убранстве против прежнего, то есть в лаптях и в сером кафтане, ворочал он на полях землю глыбами и в поте лица своего употреблял первобытную ж свою пищу, то есть хлеб и воду, со удовольствием. Имел намерение жениться, для чего и сватался на многих соседственных девках; но ни одной за его не отдавали, по причине той, что был он крайне не заваден, мало предприимчив, а простее сказать, простофиля.

Зависть и ненависть те ж самые и между крестьянами, какие бывают между гражданами, но как крестьяне чистосердечнее городских жителей, то сии пороки скорее в них приметны бывают, нежели в тонких политиках, обитающих при дворе и в городе. Такие сельские жители называются «съедугами»; имея жребий прочих крестьян в своих руках, богатеют на счет их, давая им займы деньги, а потом запрягают их в свои работы так, как волов в плуги; и где таковых два или один, то вся деревня составлена из бедняков, а он только один между ними богатый: для того, что сев, жатва и сенокос должниками его убираются прежде, а те всегда севом своим опоздать должны. И когда опоздали сеять, то убирать уже будет нечего, а затем и остаются в вечном долгу у «съедуги», который из того не убыток, но приращение имеет, ибо вся деревня к нему на работу, как на барщину, приходит.

Сии «съедуги» за недостатком многого по сельскому быту у Сысои Дурносопова, удумали отдать его за вотчину в солдаты, привезли в город, где Сысой в первый раз еще увидел прямые улицы, регулярное строение и политических людей разного покроя и разных цветов во одеянии. Но он рассматривал их недолго, для того что в скором времени представили его к рекрутскому приему. Примеря, сказали: «Мал ростом!», а лекарь закричал: «Тонки ноги!» И так из приемной выслали, не выбрив, однако, затылка, для особого предуведомления отдатчиков, которые то удобно понимать могли:

ибо не в первый уже раз таковое приключение с ними учинилось. Поутру, поране вчерашнего, представлен был опять Сысой Дурносопов в приемную комнату; на темя его положено было несколько угомонной монеты, а сколько именно, достоверно не знаю; к обеим же ногам привязано было по ассигнации, чем Сысой пришел в указанную меру, и за одну ночь икры потолстели. Выбрили лоб, и Дурносопов призван за исправного рекрута, и сие действие происходило в бывших провинциальных канцеляриях. Приемщик не соглашался принимать при рекруте ничего натурою, а за платье и провиант требовал деньгами, против чего спорить было невозможно, итак учинен во всем расчет и дело кончено.

Армия наша находилась тогда за границую, куда Сысой с прочими препровожден был мирским подаянием, не получая ни одежды, ни провианта от командующего офицера, которого они и в глаза не видали во всю дорогу, а догнал он их, не доезжая до армии верст со сто или еще того меньше; из пяти сот человек дошло до армии не с большим пятьдесят, а прочие разбежались и померли. Командующий офицер подал рапорт, что, за малоимением команды, рекруты в разные времена бежали; его отдали под суд, а рекрут причислили к команде лишенных всего им принадлежащего: ибо у командовавшего ими офицера при арестовании его ничего не отыскано, а слух носился, что он припрятал все подале, на случай строгой резолюции в суде.

Сысой, обучившись артикулу, был на трех приступах изрядным солдатом, с похвалою от командующих; но на последнем из тех сражений потерял правую руку, так что действовать оною нисколько не мог; для чего в скором времени получил чистую отставку и уволен на прежнее жилище, куда он скоро и отправился, положи свое движимое имение в котомку и повеся оную за плеча. Думают многие и утверждают справедливо, что сия котомка в пути его не обременяла: понеже находилась в ней рубашка, галстук и десять копеек денег медною монетою, из которых тратил он на столовые припасы.

Путешествие его из армии на место рождения не столь было славно и достопамятно, как путешествие Бовы Королевича из царства Додона Додоновича во владение Кирбита Верзауловича, родителя Милорасы Кирбитовны, или славного рыцаря Петра во владение прекрасной королевы Магилены Неополитанской; следовательно, такого прилежного описания и не требует, а довольно сказать и того, что он достиг оного подаянием доброхотных дателей.

При рассветании зимнего дня, в день рождения Христова, во время заутреннего пения, пришел он к своему приходу и наряду с прочими вошел в церкву помолиться, где уповал увидеть отца своего и мать; но как оных не было тогда в церкви, то на вопрос его ответствовали ему родственники его, что они ввечеру обоих видели, а для чего их в такой великий праздник нет у заутрени, того они не ведают.

По окончании пения Сысой и многие из его родственников пошли в дом его отца и, стучавшись под окнами и в ворота, не могли никого вызвать, кто бы им отпер, пошли к старосте; пригласив его и других крестьян попочтеннее, разломали ворота и, вошед на двор с зажженной лучиною, увидели следующее по порядку. Перед крыльцом висел баран, до половины освежеванной, подле которого на перилах у спуска крылечного лежал окровавленный нож; посередине двора висел в петле, прицепленной к перекладу, удушенной хозяин; изба была отворена, в которой на полу разбросаны были дрова, немного обгорелые; по середине полу лежала хозяйка, голова у которой прорублена была топором, который и лежал подле нее окровавленный; за занавескою в повешенной колыбели лежала зарезанная по горлу девочка месяцев трех, спеленанная, а подле нее окровавленный нож; в печи нашли мальчика, лет четырех, мертвого, у коего волосы на голове все сотлели и местами от жару истрескалось тело; в переднем углу на лавке лежала хорошая одежда хозяинова, а на столе праздничная хозяйкина, принесенные из клетки, как то обыкновенно у крестьян бывает.

Рассмотрев все сие, отставной солдат заплакал, чему последовали и некоторые из его родственников; да инако и быть невозможно: увидев перед собою отца, мать, брата и сестру вдруг мертвыми, всякой сельской житель придет к сожалению и начнет вопить по деревенскому обряду и названию. Стон, происшедший от вопиющих в избе, немедленно собрал всю деревню. Старые и молодые сожалели, а ребята малые ужасались, — словом все были заняты таким удивительным приключением.

Случай, не токмо деревенским, но многим и городским жителям непонятный, начали крестьяне и крестьянки толковать различным образом, сельским умом и деревенскими рассуждениями, без правил, свободными науками ustanовленных: один говорил, что сделали то разбойники, но платя унести не успели; другой основательнее рассуждал, что рассердился домовый и так поступил с ними, как должно неприязненной силе, и прочая; старухи верили больше последнему, творили молитву и спра-

шивали у стариков, не грех ли к убитым прикасаться? А поразумнее головы, призвав дьячка и сотского, написали рапорт со всеми найденными обстоятельствами и послали в город.

В рассуждении столь великого праздника все судьи и секретари из города были отсутственны и находились по деревням окольных дворян; а дневальные приказные служители от принятия рапорта отозвались. Таким образом шесть недель принят был сей рапорт в учрежденном на то суде, и дана резолюция ехать одному из членов и осмотреть на месте; но как тела убитых были уже похоронены, то и посланный для осмотра член рапортовал таким образом: «По осмотру его и по обыску оказалось, что крестьянин, напившись в праздник пьян, порубил свою семью и сам, упав с крыльца ушибся»; а подавая сей рапорт, промолвил: «Крестьяне-де государственные, то вдаль следствий быть не может». Почему данную резолюцию и велено: «С прописанием того рапорта отрапортовать верхнему присутственному месту, а дело, исключая из реестра нерешенных дел, числить решенным к отдаче в архив».

Таким манером удивительное сие в природе приключение в присутственном месте вовсе кончено на общем основании о делах затруднительных, требующих судейского ума и проицания; но непросвещение и недосуги судейские без исследования погрёбают во тьме неведения и важнейшие сего.

Но когда дошел о том слух до людей ученых того времени, то они, уважив таковой непроницаемый случай, решились его исследовать, сколько возможность им дозволить могла, и по довольном изыскании гадательно заключили так. Четырехлетний младенец, находясь в крепком сне и встревожен будучи сонным привидением, встал со своего места, взял нож, с которым нередко у баловниц-матерей и отцов ребята, играя ими, засыпают, и согласно с сонным привидением зарезал младенца, свою сестру в колыбели; а опомнившись и узнав, что сделал он худо, спрятался в печь. Хозяин и хозяйка, проснувшись ранее обыкновенного для праздника, чтобы, заранее убравшись в доме, поспеть им в церкву, заготовили, во-первых, праздничное свое платье, потом хозяин пошел свежевать барана, а хозяйка принялась поить печь, не осмотрев своих детей, потому что спят они, как она думала и слышала, спокойно; поклав дрова, затопила. Несмысленный мальчик не смел в печи поворохнуться от страха; но как огонь уже усилился, дрова сухие обыкновенно вдруг занялись, и жар несносной до него коснулся, тогда он закричал; хозяйка, бросаясь к постеле, его не увидела, то и уразумела, что

он в печи; закричала мужу, а сама начала хватать дрова из печи и метать их по полу; мальчик тем временем задохнулся, а крестьянин вбежал в избу с обыкновенным всегдашним своим оружием, то есть топором, который он заготовил, может быть, к разнятию барана. Услыша и увидя, что жена его сожгла в печи сына, будучи в торопливости и страхе, а оттого и в запальчивости, ударил безрассудно и неосторожно жену свою в голову, от чего и лишилась она жизни. Крестьянин, пришед в жалость и оторопев, не зная, что ему делать, видя двух мертвых перед собою, а заглянув в люльку, нашел и третьего. Отчаяние поразило бессмысленного человека, которое бы просвещенного и великодушного не меньше поколебало; сверх сего обуял его страх стыда и совести, а потом жестокость наказания за толикое безза-

коние, кое он все неотменно принужден был относить к своей стороне, лишила его рассудка; итак, страх, жалость и отчаяние принудили его удавиться. Таким образом рассудили с сожалением ученые того времени люди, которое их рассуждение многими тогда признано за справедливое; ибо инаково решить удивительного сего в природе приключения все недоумевали. А несчастный воин, похоронив всю свою семью и употребив остатки имения на погребенье их, остался наследником двора своего родителя, без скота и хлеба, которых гораздо не великое количество им было найдено; а что всего еще более и бедному человеку чувствительнее и без правой руки своей, без которой он не токмо целого, но и половины доброго и прилежного крестьянина составить не мог.

(1789).

